

ВОСПОМИНАНИЯ О БОРИСЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ГНЕДЕНКО

Игорь Ушаков,
(Сан-Диего, США)

Я хотел бы начать небольшую серию воспоминаний с истории, которая характеризует Бориса Владимировича Гнеденко не только как блестящего ученого и замечательного педагога, которого многие знают по его многочисленным книгам и статьям, но и как удивительную личность – принципиальную и смелую.

Б.В. Гнеденко за своим письменным столом (конец 70-х).

Подвиг, о котором мало кто знает

На банкете после защиты докторской диссертации Александром Дмитриевичем Соловьевым, Андрей Николаевич Колмогоров встал и произнес тост за Гнеденко: «Я хочу выпить этот бокал вина за Бориса Владимировича, который не только лидер школы надежности в нашей стране. Я хочу выпить за него как за смелого гражданина». Подобная речь была довольно необычна для Колмогорова, который всегда был далек от официальных речей с окраской в духе «советского патриотизма». Немного зная Андрея Николаевича, я решил, что что-то необычное кроется за такими его словами. Не будучи в состоянии сдержать свое любопытство, я подсел к Колмогорову и спросил, что означают его слова о «смелом гражданине». Колмогоров ответил, как всегда отрывисто и коротко: «А дело в том, Игорь Алексеевич, что Борис в ужасном 1937-м спас жизнь одного человека ...». Это было сказано так, что я понял, что Андрей Николаевич не склонен пускаться в дальнейшие объяснения.

* * *

У нас с Борисом Владимировичем были очень тесные личные контакты. Мы были прочно завязаны на поприще так называемой общественной работы: я был его замом в журнале «Надежность и контроль качества», где он был

Главным редактором; я был его замом Кабинете надежности и качества, где он был Научным Руководителем; мы вместе были членами редколлегии журнала «Техническая кибернетика» (он был руководителем раздела «Надежность и массовое обслуживание», а я был Ответственным секретарем журнала); мы оба были членами Редсовета издательства «Радио и связь», а также заседали в одном и том же Ученом Совете по защите докторских диссертаций.

Так что мы виделись с ним два, а то и три раза на неделе у него дома. Эти встречи для меня незабываемы: в несколько, я бы сказал, по-тургеневски неторопливой манере мы разговаривали, казалось бы ни о чем; его кабинет был напоен негромкими чарующими звуками классической музыки... Вечер проходил незаметно и безо всякого напряжения, а в результате – все дела оказывались сделанными!

Борис Владимирович и автор за обсуждением очередных редакционных дел в (фото конца 70-х).

Может быть, во мне говорит ностальгия, порожденная возрастом, а может, это и часть нашей нынешней реальной жизни: иногда мне кажется, что такого рода личные

контакты канули в вечность в нашем суетном и вечно спешащем куда-то мире...

* * *

Однажды я пришел к Борису Владимировичу, когда тот еще не вернулся с кафедры. Наталия Константиновна, его жена, накрыла на стол, как всегда, уставив его различными домашними вареньями и печеньями, и мы сели чаевничать. За чаем я рассказал Наталии Константиновне о моем вопросе Колмогорову и о его ответе и спросил, не знает ли она, что это могло бы значить.

Она рассказала мне, что в 37-м кто-то написал клеветническое анонимное письмо на Колмогорова, где сообщалось, что тот ведет антисоветскую пропаганду среди студентов. Иногда НКВД делало вид, что они играют «чистую игру»: они собирали подтверждения фактов» от людей из окружения оклеветанного. Их выбор пал на Бориса Владимировича – любимого ученика и друга Колмогорова.

Гнеденко был арестован и его продержали в застенках НКВД несколько месяцев. Они не давали ему спать по несколько дней кряду, светили в глаза яркими юпитерами, что доводило его до бессознательного состояния. Однако, Борис Владимирович не подписал ни одной подсовываемой ему бумаги, компрометирующей Колмогорова. В конце концов, его вынуждены были выпустить, а обвинения против Колмогорова были сняты как несостоятельные.

Наталия Константиновна сказала мне: «Игорь, пожалуйста, не рассказывайте об этом никому: ни Андрей, ни Борис не любят вспоминать об этом. К тому же они не любят афишировать на публике своих отношений друг с другом».

Конечно, я бы никогда и не написал об этом, если бы Борис Владимирович не рассказал обо всем впервые сам во время своего визита в США в 1991 году, когда я устроил ему приглашение через Университет Дж. Вашингтона, в котором в то время преподавал. Интервью с ним опубликовано в журнале «Statistical Science»⁴.

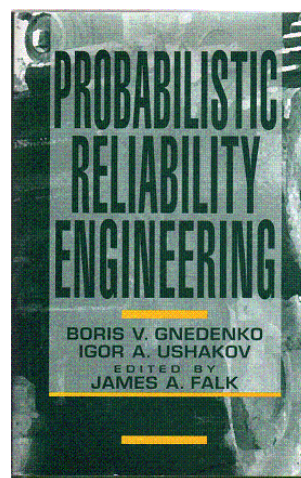
Затем еще раз я слышал эту историю от Бориса Владимировича, когда он посетил с визитом американскую телекоммуникационную компанию Эм-Си-Ай, с которой я тогда сотрудничал.

Однажды мы остались у меня дома в Вашингтоне одни и разговорились, что называется, «за жизнь». К сожалению, я догадался включить магнитофон поздно: «тюремную историю» я пропустил. Но остальная часть беседы – и очень интересная – попала на пленку. Борис Владимирович рассказывал о своей встрече со своей будущей женой, о первых годах их совместной жизни, о рождении сыновей, о своей дружбе с Колмогоровым, о своих учениках В.С. Михалевиче, И.Н. Коваленко, В.С. Королюке, А.В. Скороходе и других. Я помню, что пожалел, что никогда не был его учеником, а что он ответил с мягким юмором: «Ну, Игорь (последние годы он называл меня просто по имени), Вы у меня на особом

месте: я ведь ни у кого, кроме Вас, не был оппонентом дважды – на кандидатской и на докторской диссертациях».

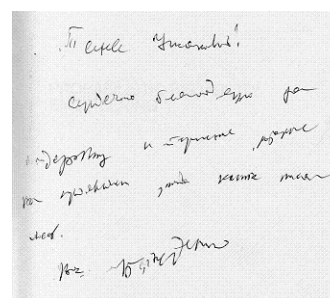
Мы много говорили о музыке, о живописи, о нашем недавнем посещении Национальной галереи в Вашингтоне с ним и с Дмитрием (во время обоих визитов в США он сопровождал отца).

Последний раз я видел Бориса Владимировича месяца за три до его смерти. Я приехал в Москву и во время пребывания там несколько раз заезжал к Гнеденкам. Я привез ему несколько экземпляров только что вышедшей в США первой из написанных нами вместе книг – «Probabilistic Reliability Engineering».

Борис Владимирович был очень слаб, но как всегда, радушен. Он был рад книге, спрашивал, как дела со следующей нашей книгой

У меня была с собой кинокамера. Когда я снимал Бориса Владимировича, то он попросил меня записать письмо для Тани, моей жены, которая помогала нам с оформлением книги. Потом он подписал ей один из экземпляров:

«Тане Ушаковой с благодарностью за поддержку и терпение, которые Вы проявили при подготовке рукописи. Ваш Борис Гнеденко». Это было написано дрожащей рукой очень больного человека, который те не менее, никогда не забывал делать Добро и проявлять свою Любовь к другим.

Он так никогда и не увидел второй нашей книги – «Statistical Reliability Engineering»...

⁴ Statistical Science, 1992, Vol.7, No.2, pp.273-283: N.Singpurwalla & R. Smith "A Conversation with Boris Vladimirovich Gnedenko".